

Игорь Галеев

**ВИСОКОСНАЯ.
ОГОНЬ ЖЕЛАНИЙ**

две пьесы

Игорь Галеев

**Високосная. Огонь
желаний. Две пьесы**

«Издательские решения»

Галеев И.

Високосная. Огонь желаний. Две пьесы / И. Галеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964183-0

Действующие лица — Он и Она. Правда, потом появляется нечто третье — Оно, но, отнюдь, не ребёнок. Он всё ещё по инерции выживает — стязательствует, ловчит, хапужничает и агрессивничает. Он давно уже выжил, но страх, что его обойдут соседи, укоренился в его бедной голове. История болезненной Любви в наше время, помешанное на погоне за оргазмами и на разборках о статусах мужчины и женщины.

ISBN 978-5-44-964183-0

© Галеев И.
© Издательские решения

Содержание

Високосная	6
1 акт	7
Вновь звонит телефон	8
Останавливается перед фотографиями женщин	9
Набирает номер по телефону	10
Кладет трубку, потирает руки	11
Явление второе	12
Появляется она. Следом он.	13
Явление третье	16
Она подходит и разглядывает фото	17
Она вновь рассматривает фото	18
Идет в комнату, наливает из бутылки, пьет	19
Явление четвёртое	20
Появляется с белыми хризантемами, ворчит	21
2 акт	22
Явление второе	23
Он молчит, она выходит	25
Подходит к таблице, изучает ее. Входит она. Явление третье	26
Явление четвёртое	29
Он выходит	30
Слышны грохот, звон и крик	31
Выбегает из комнаты	32
3 акт	33
Явление первое	34
Явление второе	35
Явление третье	37
Явление четвертое	39
4 акт	40
Явление первое	41
Явление второе	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Високосная. Огонь желаний Две пьесы

Игорь Галеев

© Игорь Галеев, 2019

ISBN 978-5-4496-4183-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Високосная (история любви)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Он.
- Она.
- Оно.

Эта история началась в однокомнатной квартире, обстановка которой настолько интимна, что может вызвать у зрителя чувство умиротворения, а то и сладострастия. Очевидно, что хозяин специально добивался раскрепощающего эффекта. Здесь и замысловатое освещение, полутона, светомузыка с электронной аппаратурой, покойные кресла, ширма в восточном стиле, заметен бар, а в глубине под хитроумными зеркалами, словно корабль, плывет, отражаясь отовсюду, великолепная кровать. На стене на видном месте портреты множества женщин – все образы разные – в основном обычные любительские фото, они как бы играют роль иконостаса, и смотрят, как святые, десятки глаз...

Действие начинается в ванной комнате, и ее обстановка столь же интимно продуманна, сейчас в ней яркий свет, тихонечко бормочет музыка, в зеркале на стене отображается виновник этой истории. Он моется, вернее просто лежит в ванне в безмятежной позе, курит и придирчиво рассматривает свое отображение.

1 акт
Явление первое
Звонит телефон. Он берет трубку

Он. Привет. Да нет, почему же, ожидал. Всегда рад тебя слышать... И видеть, конечно... Нормальный голос, просто немного не здоровиться – горло. Вот отлежусь пару дней и позвоню тебе, хо, кей?.. Обязательно еще раз сходим... Да ничего я не кислый, просто вялость во всем теле... Обязательно покажусь... Умер? Ну и царство ему небесное... А что они демонстрируют, чего хотят?.. Я смотрю ты стала политизированной... Да по мне хоть папа Карло! Пусть они хоть все передохнут... У меня – сумочку? Что-то не видел. Хорошо, поищу и тебе звякну... Обязательно позвоню... Обязательно покажусь... Позвоню. Да, завтра. Целую... Я тоже.

Вешает трубку.

Ага, забыла она. Она забудет! Знаем мы эти приёмчики!

Вновь звонит телефон

Алло! Ну слушай, где ты пропадал? Тебе целый день звоню. Старик, свершилось! Сработало!.. Ну!.. Ну конечно же ты придумал!.. Да я тебе ящик поставлю, если всё получится... Говорит – *двадцать девятого*... Проверю обязательно... Нет, сколько лет не сказала, сам знаешь, женщине такие вопросы. Но по голосу дал бы лет двадцать пять. Ты же знаешь, как я умею определять возраст по телефону. И хорошенькая наверняка, милосердненькая и гумманенькая. Меня целый день трясет от ожидания. А тебе-то чего?.. Заразил своей идеей фикс? Нет, старик, не советую... Да нет, рожа у тебя подходящая, просто тебе нужно для начала развестись, а потом положить на этот подвиг остаток жизни... А почему бы и не гордиться?.. Либо заработать хочет, либо спасти калеку, либо и то и другое... Конечно, ты молодец. В общем, через два часа придет. Я ей по телефону говорю: если вы чего-то опасаетесь, мы можем встретиться хоть в здании прокуратуры. А она: по вашему объявлению сразу видно, что вы отчаявшийся человек и не из тех, кто пьет из женщин кровь. Не без юмора, видишь? Старик, неужели это все?! Да подожди поздравлять, сплюнь и постучи. Давай я тебе перезвоню, а то сижу в ванне, нужно еще марафет навести (*смеется*). Ну, он-то меня подвести не должен, у него тренаж – будь здоров! – всякие марафоны выдерживал. Сейчас перезвоню.

Выходит из воды, облачается в длинный халат и начинает производить над лицом всяческие облагораживающие процедуры, используя щипчики, кремы, лосьоны и прочее – всё делается очень тщательно, профессионально. Одеколонится везде, где нужно, и, похлопывая ладонями по чистовыбритым щекам, идет в комнату походкой человека, не скрывающего радостного предвкушения.

Он. Бог ты мой! Я сегодня как мальчишка, так свежо всё, так обострены чувства – словно первое свидание, словно она одна – единственная!

Останавливается перед фотографиями женщин

Ну что, милые мои, пожелайте мне удачи, благословите на последний подвиг. Все вы во мне, а я в вас. Ах ты, Анюта (*грозит пальцем*), не смотри на меня так укоряюще, я никогда не забывал тебя, я и сейчас люблю тебя и помню запах твоих волос. И ты, Татьяна, любительница шампанского, апрельская ты моя умница, где ты теперь? Как нам было хорошо вместе! Светочка, солнышко мое, ранняя пташечка, ты помнишь, как я пробудил в тебе женщину? Сегодня я грущу обо всех вас – пятьдесят семь Ленок, тридцать одна Ольга, двенадцать Ирин... Всем вам и я обязан, и тебе, Пенелопочка (*глядит фото*). Бесстыдница моя, единственная... Ну девочки, сегодня праздник в вашу честь!.. Вот чёрт, а цветы-то забыл! Первый раз такое! (*Бежит на кухню и выкатывает сервированный столик.*) Как же без цветов-то? Уже не успею. Где-то у меня были перья павлина. Вот я их сейчас в вазу, и все хо, кей! А что – очень даже ничего!

Набирает номер по телефону

Васька, это я. Слушай, что-то волнуюсь и дрожу как пацан. Никогда не было такого... Да перестань, я же не циник. Это всё ради познания природы женщины... Ну как тебе сказать, я их, конечно, знаю, ведь я не просто с ними спал, я с ними общался, ты же знаешь о моей картотеке... Они все разные, сексуально тоже, но... Вот подожди, выводы я сделаю, когда последний материал соберу... Понятно, что тебе страшно интересно... Прямо в лоб объявить ей о своей идее? Ты думаешь?.. Не устоит? Да, бывали такие. Одна узнала о моей картотеке от Мишки, сама прямо и предложила и еще притащила мне две тетради о своих сексуальных ощущениях. Правда, ее данные у меня уже были, но я не посмел ее отвергнуть... Слушай, очень похожи – именно в постели! Как те близняшки, что у меня были... Да нет, что я – извращенец что ли? С ними я по отдельности. Первая с сестрой поделилась, а та не хотела отставать, да и ради эксперимента... Да, ты прав, все сейчас только и экспериментируют. Я вот что еще хотел: пошли, пожалуйста, своего Вовку за цветами, пусть хороший букет купит и ко мне принесет, ну, там розы или гладиолусы. Только не белые, я белые не люблю. Потом рассчитаемся, хо кей? Это все-таки и мой праздник, личный, персональный... Фаллический – да, да!.. *(Громко смеется.)* Я ее полгода искал, ждал... Ну конечно – ты молодец, не текст объявления я придумал... Благодарен очень! *(В сторону.)* Вот гад! Ну ладно, жду Вовку. Хорошо, звони.

Кладет трубку, потирает руки

Пять грамм не помешало бы для раскрепощения. (*Наливает.*) Ну, девочки, за вас!

Становится перед «иконостасом» фотографий на колени и совершает некий обряд моления – очень серьезно, с поклонами. Встает.

Так, всё, вроде, готово. Главное – не перевозбудиться. (*Уговаривая*) Я о-очень хоро-о-ший мужчина! Кра-а-си-и-вый мужчина! Ла-а-сковый, внима-а-тельный джентльмен, за мной, как за каменной стеночкой – уютненько, тёпленько, надёжненько, я весь – выражение мужского начала, я – «янь», сейчас появится славненькая «инь» и будет маленький дзинь...

Звонит телефон.

Ну? Я. А кто это? По объявлению? Двадцать девятого? А сколько вам лет?.. Нет, вы сначала скажите, сколько вам лет, а потом я вам отвечу – нужно ставить клизмы или нет... С сорокового? Тогда нужно и клизмы ставить и обмывать два раза в день. Он же без ноги, без руки, слепой и плохо слышит... Ни за какие деньги? Ну тогда извините (*кладет трубку*). Выискалась еще одна старушенция.

Звонит телефон.

Василий? Слышь, сейчас еще одна спасительница звонила... Ага, двадцать девятого февраля, но с сорокового года... Отфутболил, конечно... Нет, почему, звонили раз десять за три дня. Почему-то четыре мужика, а остальные старухи. И придурки всякие. Кому нужен такой калека? Тем более, что я сразу такую смехотворную цену называл, что одна бабка даже меня обматерила, а остальные бросали трубки. Вовка пошел за цветами?.. Ну, Василий, пни его побыстрее, а то он протелится... Стол готов, а как же... Ну, само собой! И икорка есть... Да знаю, что ты обжора – потому у тебя и нет масштабных интересов... Ну не обижайся, придешь завтра, я тебя вкуснятинкой побалую... Почему объедки?.. Да пошел ты!..

Бросает трубку.

Только бы жрать, да с...

Звонят в дверь. Он бросается в прихожую, потом назад, снимает на ходу халат и быстро облачается в брюки и рубашку, но забывает расчесаться и с взъерошенными волосами мчится открывать дверь.

Явление второе Вначале слышны голоса

Он. Проходите смелее, можете не разуваться.

Она. Я натопчу.

Он. Вот вам тапочки. Это я сам повешу. Смелее, смелее!

Появляется она. Следом он.

Он. Садитесь, пожалуйста, располагайтесь – безо всякого стеснения, прошу вас. Можете даже закричать, чтобы исчезла неловкость. (*Кричит.*) Эге-ге-е-й! Я так всегда делаю.

Она (*садится*). А вы кто?

Он. А сегодня какое число?

Она. Пятнадцатое. Это вы давали объявление?

Он. Вы извините, я только тут закончу одно дело, всего минута.

Подходит к письменному столу и что-то пишет в тетрадь. Она осматривается.

Он. Ну вот, теперь можно и поболтать. Давайте на «ты»?

Она. А вы кто?

Он (*поправляет*). Ты. Мы же договорились.

Она. Мы не договорились. А где больной?

Он. А, больной! Больной сейчас будет, он на прогулке.

Она. Один?

Он. Не один... с другом. И я друг. Уполномочен вести переговоры. Давайте знакомиться, меня зовут...

Она. Что-то не похоже, что здесь живет калека. (*Достает газету.*) Я вот по этому объявлению, все правильно?

Он. Конечно! Я тебе сейчас всё объясню. Дело в следующем: это объявление я написал для того, чтобы пришла именно ты. Я такой тебя и представлял, поэтому язык у меня не поворачивается говорить тебе «вы». Прошу, говори мне тоже «ты».

Она. Ты.

Он. Отлично! Мне кажется, что мы знакомы много лет и я о тебе знаю кучу дров. Можно взглянуть на твой паспорт?

Она. Пожалуйста.

Он (*берёт паспорт, читает.*) «Двадцать девятого февраля»! (*Целует паспорт.*) За это нужно срочно выпить, Марина! (*Бежит к письменному столу, достает записную книжку.*) Вот так – «девятая»! Я буду звать тебя Марина Великая и Девятая!

Она. Вы астролог?

Он. Ты!

Она. Ты.

Он. Конечно же – я астролог. А ты – звезда сверхновая!

Она. А почему вы... ты считаешь, что я ему помогу? Вы... ты так высчитал?

Он. Я всё объясню, но не сразу. Давай, для начала подзакусим. (*Он наливает*) А звезды!.. (*Они выпивают.*) Закусывай, Марина, не стесняйся. Хочешь, музыку?

Она. Постой. Так кто больной?

Он. А если и я? Ты же решила помочь человеку – уроду, калеке – пришла спасти его, поверила, что двадцать девятое февраля сделает чудо – больной прозреет и станет ходить!

Она. Ну здесь же так и написано (*читает*): «Умоляю, слепому и парализованному человеку может помочь родившаяся двадцать девятого февраля...»

Он. Ты редкая альтруистка, Мариночка. Или тебе просто любопытны астрологические тайны?

Она. Так это розыгрыш?

Он. Какой там розыгрыш! Я и есть – слепой и парализованный.

Она. А я как-то сразу и не заметила... Ну ладно, я пойду.

Он. Ты отказываешься совершить чудо?

Она. Этим не шутят. (*Встает.*)

Он. Постой! Да, я не слепой и ходячий, но это ничего не меняет! Я болен! И помочь мне можешь только ты. Подумай, я дал такое объявление от отчаянья, ты сама это говорила по телефону. Ты не можешь меня оставить, не выслушав.

Она. Хорошо (*садится*), я выслушаю.

Он. Сегодня у меня такой праздник!

Она. Хорошее начало для больного.

Он. Я немного возбужден. Ты знаешь, в других ситуациях я бываю иным, а сегодня – моя мечта – так близка, совсем рядом... что я, как мальчишка, волнуюсь... Ты мне кажешься такой родной...

Она (*смеется.*) Это что у тебя такой способ женщин охмурять? Заманиваешь сердобольных и считаешь их дурочками?

Он. Да. А потом убиваю и поджариваю их на сковородке.

Она. Это мы уже проходили. Что еще умненького?

Он. Расскажи мне о себе.

Она. Ну нет уж, я лучше тебя – послушаю и поем. Ведь этот стол готовился в мою честь?

Он. В твою, в твою, Великая Марина-Девятая!

Она. Ну вот и развлекай меня, пока я буду пробовать, угощения. Сам готовил? Ничего, пойдет.

Звонит телефон.

Он. Ну, я. Да... Да... Да... Нет... Потом поговорим... Вовки не было... Ну потом, сказал! (*Бросает трубку.*)

Она. Еще один тяжело больной?»

Он. Да так, любитель праздники портить. Мариночка, ты, главное не бойся, я вреда тебе не сделаю, напротив, я готов исполнить все твои желания.

Она. Неужели все?

Он. В пределах возможного.

Она. Машину и квартиру не подаришь?

Он. Это твоё желание?

Она. Хотя бы.

Он. Квартира у меня одна, а машину месяц назад угнали.

Она. Так чего же ты поёшь, что исполнишь все желания?

Он. Да, это я перегнул (*смеется*), раздулся от чувств. Я в смысле – ты ничего не бойся – я бережно и со всем вниманием.

Она (*аппетитно кушая*). Дальше? Ты развлекай меня, рассказывай – зачем тебе понадобилась дурочка, рожденная *двадцать девятого февраля*? И дай салфетку, и куда косточки бросать?

Он. Сейчас. (*Подал салфетку и тарелку.*) Мне нравится твоё настроение.

Она. И так?

Он. Ну, во-первых, не дурочка, а красивая женщина, во-вторых, я пока не определился, что тебе можно сказать.

Она. Правду и ничего кроме правды.

Он. А если я скажу правду, и ты обидишься... Нет, мне нельзя рисковать. Считай, что я все придумал, чтобы просто пообщаться с той, которая родилась *двадцать девятого февраля*. Пообщаться – это же так прекрасно! Я не жлоб, умён, начитан, могу поддержать интересный разговор, могу развлечь, у меня есть кое-какие деньги...

Она. Деньги – это хорошо. А можно я икру ложкой поем?

Он. Я сейчас еще принесу.

Она. И в туалет я хочу.

Он. Ты меня радуешь. Вот сюда, пожалуйста.

Она (*уходя*). Надо же, шла ухаживать за больным, а тут готовы за мной горшки выносить, и все бескорыстно!

Он (*один*). Не глупа. Решила поиграть со мной. Чудесно! Нужно записать первые впечатления, пока не забылись.

Садится и записывает.

Явление третье

Она (*появляясь*). У тебя не уборная, а просто храм какой-то! Что-то мне в голову ударило. Хочу еще выпить! И ты за мое здоровье выпей. (*Наливает.*)

Он. Да это же почти стакан!

Она. Я хочу! Исполни желание, раз машины нет. Или между нами все кончено!

Он. Подчиняюсь, чтобы продемонстрировать тебе свою покорность и преданность. (*Пьет.*)

Она. А теперь рассказывай – кто ты будешь такой, говори поскорей, не задерживай... Почему *двадцать девятое февраля*? Это ничего, что я икру без хлеба?

Он. Больше влезет.

Она. Говори.

Он. Я просто не мог представить, что появишься ты, такая...

Она. Про меня не нужно. Я хотела больному человеку помочь, откликнулась на крик о помощи, а тут сидит здоровый, сытый и охмуряет. Паук ты. Ты что, заиклен на сострада-тельных женщинах?

Он (*смеясь*). Нет, это в первый раз. Я и не надеялся, что кто-то среагирует – так, от скуки...

Она. Не ври. Тебе ли не знать, что мир не без добрых! Ну-ка, ну-ка... (*Встаёт.*) Что это за выставка? Это что, все, кого ты заманил в свою паутину?

Она подходит и разглядывает фото

Он. Хочешь, начистоту?

Она. Это как?

Он подходит и пытается ее обнять.

Она. Только без рук! Мы же ради душевного общения здесь собрались, «от отчаянья». Говори, в чём отчаялся и что это за иконостас?

Он. Так я стакан водки выпил, сама виновата – заставила.

Она. Иди и ешь. И говори.

Он. Но я тебе хоть немного нравлюсь?

Она. А если и немного, то что – сразу и кувыркаться?

Он. Извини.

Она. Ты такой покладистый, хитрый и скользкий.

Он. Всё-таки я тебе интересен.

Она. Ешь, больной. У тебя явно с головой проблемы, и я хочу тебе помочь – раз ты внутри себя калека.

Он. Как это точно!

Она. Ешь. Побольше картошки и капусты, запей всё это соком.

Он. В меня не влезет.

Она. Ешь, ешь. *(Включает музыку, танцует.)* Ешь и смотри.

Он *(искренне)*. Откуда ты такая?!

Она *(танцует)*. Вот видишь, тебе захотелось узнать обо мне, а это самое главное. А то привык, небось, хлоп по рюмке – и в постель. Не выйдет, паучок-невеличек!

Он. Ты классно танцуешь! А что ты имеешь против секса?

Она *(танцует)*. Ничего не имею. Я же ем, сплю, хожу, я как все – имею тело, попку и ножки, сиськи и письку, и ручки, и головку...

Он *(мотая головой)*. Не своди меня с ума!

Она. До чего ты примитивно устроен! Стоило мне произнести детские словечки, и тебе уже общение побоку. *(Выключает музыку.)* Уф, тяжело после икорки! Ну, рассказывай!

Он. Я уже боюсь.

Она. Чего?

Он. Что ты неправильно поймешь одну мою страсть...

Она. О господи, у него еще и страсть! Ты что, мазохист или ковырялка?

Он. Какой ковырялка?

Она. Ну, мало ли бывает извращений.

Он. Да нет, я... Черт побери, ты как-то меня спутала. Ты кто? В смысле, чем занимаешься?

Она. Вопросы задаю я. Значит, ты астролог, здесь у тебя уютно, и ты сюда заманиваешь бедных глупых женщин. Ты бабник?

Он. Не знаю... Я, наверное, экспериментатор, практик, так сказать.

Она вновь рассматривает фото

Она. А это подопытное кролики?

Он. Это астрологический календарь, ну, такой... особого рода.

Она. Ах, да они тут у тебя все под циферками! Ну-ка, ну-ка... Ну конечно, вот в чем дело! (*Смеется, не может остановиться.*) Триста... шестьдесят... шестая пустая клетка! Ты что, со всеми спал?! Неужели – со всеми?

Он (*недовольно*). А чего смешного? Я не спал, я общался, изучал женщин. Это чисто научная работа.

Она. Нет, ты спал или как? Сидели, ты спрашивал, беседовали о жизни, ты записывал, просил фото, и всё?

Он. Но ты бы сначала выслушала идею.

Она. Так ты же не рассказываешь правду, вот я и гадаю. Значит, в году триста шестьдесят пять дней. Раз в четыре года – високосный. У тебя полный набор, только *двадцать девятое февраля* пустует. Рассказывай, что ты с ними делал?

Он. Изучал... астрологическое влияние на рождённых.

Она. А сколько у тебя на это ушло времени?

Он. Вся сознательная жизнь. Но идея возникла десять лет назад.

Она. Идея... Да ты просто подвижник какой-то. Ты кем работаешь?

Он. Я хирургом был, а последние восемь лет – где придется...

Она. Ну говори, говори.

Он. А что?

Она. Задавай вопросы, анкетируй меня. Я же тебе для этого понадобилась. Где у тебя картотека?

Она идет к столу, но он срывается с места и преграждает ей дорогу.

Он. Не нужно, Марина.

Она. Я хочу. Это мое желание: посмотреть, какие впечатления ты вынес из своих исследований.

Он (*твёрдо*). Не стоит. Это на самом деле очень серьезно.

Она. Послушай, ты был женат?

Он. Был. Два раза. У меня двое детей.

Она. И десять лет теперь один?

Он. Один.

Она. Ну, всё понятно... поговорили, спасибо за угощение – наелась, наплясалась, насмеялась – я пошла. Я пришлю свое фото по почте, закроешь вот этот квадратик. Вот – рядом с этой рыжей и с этой курносой блондинкой. Ничего буду смотреться, в науку войду, чао!

Она намеривается уйти, но он задерживает ее, пытается поцеловать. Он теснит ее к кровати. Наконец она резко отталкивает его, он падает и ударяется о спинку кровати головой. Она бежит в прихожую, хлопает дверь. Сначала тишина. Затем он поднимается, потирая затылок, спешит в прихожую, постанывает.

Он. Смывась всё-таки, зараза!

Идет в комнату, наливает из бутылки, пьет

Он. Идиотка! И ты тоже хорош (*грозит пальцем вниз*) – перевозбудился так, что все мозги поплыли!

Звонок в дверь.

Он. Вернулась! Ну держись, милая!

Явление четвёртое

Слышно, как открывает дверь и его голос

Он. Где тебя столько носило! Опоздал, брат! Ну давай, чего уж там. Я же просил белые не покупать!.. Это – розовые? Сам ты дальтоник! Ну-ка, чеши отсюда!

Появляется с белыми хризантемами, ворчит

Он. Во, идиоты! На кой мне теперь эти цветы? Нажралась, наплясалась и свалила.

Пытается засунуть цветы в вазу со страусиными перьями, ваза падает и цепляет за собой на пол посуду.

Он. Черт! Черт! (*Пинает вазу и посуду.*) Всё ты виноват, всё ты, гад! (*Бьет себя кулаком в пах.*) Откуда она такая вылезла? Чувырла! Ничего, еще не вечер, их вон сколько бродит по свету сочныхеньких и без затей, и...

Звонит телефон.

Он. Да... Принёс какую-то белую гадость... Уже один... Ушла... Почему, почему... ушла и всё! Что ей здесь – жить что ли?.. Нормальный я... Ну трахнул, трахнул и разтрахнул! И теперь что, плясать от счастья? У меня было пятьсот баб, чего я должен радоваться пятьсот первой? Високосная, високосная – их миллионы високосных... Ну как тебе сказать, в постели очень энергичная, темпераментная, так что даже затылком о спинку кровати ударила, шишка вот... Да, старик, замотала, выпила все соки... Ну как уламывают... Слушай, Вась, ты что, мальчик что ли? У тебя Вовка больше твоего знает, у него и выпрашивай... Ну не в духе, устал... Икра осталась, да. И выпить есть. Завтра приходи... Хорошо, звони.

Он (*сам себе*). Трахнул, не трахнул! Все, как собаки на привязи, только вокруг траханья и вертятся! Перетрахаться не могут! Во, шишка какая, черт! Ну, зараза, вообразила из себя недотрогу, свое значение, свою нужность почувствовала! А сама, небось, всяких ковырялок повидала. Это же надо – такой облом! Все сами в постель тянули, уже привык, а тут... (звонит телефон) Неужели опять этот придурок? Алло! Ну, я. А кто это? Ах, Алла! Ну конечно, узнал! Да ты что – помню, помню... Недалеко?.. Нет, я очень хочу!.. Ко мне нельзя, у меня тут родственники... Хорошо, сейчас буду, выхожу. (*Кладет трубку, заметно повеселев.*) Ну, Аллочка, ты у меня сегодня!.. Щас я тебя, ух! (*Быстро собирается и уходит.*)

В пустой квартире появляется Оно. Оно плавно движется и производит незначительную перестановку. Так, вместо стенда с фотографиями возникает таблица с какими-то цифрами и графиками, незаметно квартира становится другой, наполняется иным мироощущением – чувствуется, что здесь живет женщина. Оно вносит украшенную ёлку, ставит в угол, зажигает лампочки и свечи и исчезает.

2 акт

Явление первое

Появляется она

*Она. Вот опять забыла потушить свечи!
Выставляет на стол пакеты, раздевается.*

Она. Или опять ты шалишь? Ну, молчи, молчи, чудо-юдо. Но елку-то я точно не зажигала, или зажигала... Так, посмотрим (*подходит к таблице, достает из кармана карточку*). Ну вот семьсот тридцать первый (*переписывает из блокнота в карточку*). Так, «возраст», «рост», «вес», «глаза», «волосы», «образование», «национальность», «время», «место», «размер»... Явно прибавил пять сантиметров. Напишем «двенадцать», всё! (*Смотрит на часы.*) Смотри-ка ты – опаздывает! Нужно помыться, что же я!

Идет в ванну и начинает раздеваться. Звонок в дверь. Она открывает и убегает в ванную, кричит оттуда.

Она. Вы проходите, я через несколько минут буду!
Он. С наступающим!
Она. Спасибо!
Он. А как вас зовут?
Она. Вы проходите, я сейчас!

Он проходит, уверенно прохаживается по комнате, садится, вытягивает ноги, говорит: «Закуска, свечи, интим, молодец баба, всматривается в таблицу, поднимается, достает карточку, читает.

Он. *«Семён Артурович Пискун. Сорок четыре года. Образование – водитель. Женат. Двое детей. Русский с примесями польских и татарских кровей. Сто семьдесят сантиметров. Семьдесят шесть килограммов. Глаза серые. Шатен. Размеры: сорок три – двенадцать – пятьдесят – пятьдесят шесть. Семнадцатого ноября. В машине у Савеловского вокзала. Со спины. Три минуты...»* Что за дела? (*Берет еще одну карточку.*) *«Мао Ван-дун. Двадцать шесть лет. Дипломат. Холост. Китаец. Сто шестьдесят три сантиметра. Шестьдесят три кг. Карие. Черные. Сорок – пятнадцать – сорок восемь – пятьдесят пять. Двадцать третьего октября. Двадцать три часа, на квартире у Светки. Два часа, шесть минут и утром с семи тридцати – двадцать пять минут...»* Она что, проститутка что ли? У меня и денег нет с собой. (*Читает.*) *«Леонид Васильевич Голубков. Тридцать восемь лет. Повар. Женат. Казак, но врёт. Сто восемьдесят шесть сантиметров. Сто три килограмма, двести грамм. Уф!..»* При чем здесь «уф»? Тяжелый что ли? *«Глаза заплавышие, но говорит, что голубые. Лысый. Размеры: сорок шесть – двадцать восемь – шестьдесят два – пятьдесят пять...»* Что это, за размеры? *«Кафе на Тверской, подсобка. Конфуз. Пятнадцать минут вручную. Великолпный обед.»* Ну даёт, а! Да они тут пронумерованы! Кто-то решил надо мной пошутить! Ну, если это Васька! Не лучше ли смыться? (*Садится и не может оторвать взгляда от таблицы.*) График какой-то...

Появляется она.

Явление второе

Она. Ничего что я в халате?

Он (*поспешно вскакивая*). Так это... Вы?!

Она. А как же. Не удалось тебе вычеркнуть меня из своей жизни (*берет у него карточки и вкладывает на место*).

Он. У меня нет слов, Марина! Столько времени прошло, я уже...

Она. Больше года.

Он. И ты вспомнила обо мне!

Она. Да и ты не забыл, как меня зовут.

Он. Такую, как ты, забыть трудно.

Она. Чем же я не похожа на других?

Он. Ну... ты такая необычная... странная...

Она. Ладно, не говори, всё равно соврешь, ты же привык охмурять, лапшу на уши вешать.

Он. Ты, я смотрю, тоже? (*Кивает на таблицу*.) Позаимствовала идею, плагиатом занимаешься?

Она (*смеется*). Я слабая невинная женщина. А как твои успехи, что, трахнул триста шестьдесят шестую?

Он (*морищится*). Ты тогда всё не так поняла.

Она. Перестань, давай в открытую.

Он. Давай, только я не люблю слово «трахнул».

Она. Щёлкнул? Хлопнул?

Он (*угрюмо*). Зачем тебе все это?

Она. У тебя научилась. Я побила твой научный рекорд. На сто процентов!

Он. Я пойду.

Она. Чего так?

Он. Не хочу быть в твоём списке.

Она. А с чего ты взял, что я тебя занесу в свой список? Он у меня полон.

Он. Тогда зачем ты меня заманила? (*Достает газету, читает*) «Рожденная двадцать девятого февраля ищет прекрасного умного друга...»

Она. И тебе не показалось это странным?

Он. Показалось, но больше года прошло после нашей встречи.

Она. Ты забыл меня?

Он. Тебя забудешь... Но я не думал, что у тебя будет такая реакция (*кивает на таблицу*).

Она. Я тоже идейная.

Он. А может – больная?

Она. Не больнее твоего.

Он. Мстишь что ли? Мужикам?

Она. Зачем же, может быть я так ищу свою половинку.

Он (*раздраженно*). Да все это искусственно, ненатурально!

Она. Что?

Он. Да ты со своей таблицей! Тебе что, больше делать нечего? У всех людей сотни проблем, в стране черти что происходит, а она, видите ли, ищет свою половинку! Да ты знаешь кто?

Она. Кто? Проститутка?

Он. Еще какая! Но и дура к тому же.

Она. А тебе-то что? Тебе нужна *високосная*, хочешь попробовать – я тебе готова помочь.

Или ты уже вкусил?

Он. Я этим уже не занимаюсь.

Она. Тогда зачем ты пришел?

Он. Любопытно было узнать – ты это или не ты?

Она. Ты знал, что это я.

Он. Но по телефону был не твой голос.

Она. Не мой, подруги. Но ты всё равно знал, что это я.

Он. Ну хватит! Чего ты добиваешься?

Она (*смеясь*). Хочу измерить твое мужское достоинство.

Он. Прекрати! Ты знаешь, кто ты после этого? (*Показывает в таблицу, но сдержавшись, выбегает в коридор.*)

Она. Никуда ты не уйдешь.

Он (*появляясь*). Почему это?

Она. Ты меня любишь.

Он (*после некоторого молчания*). Ты даже не знаешь, кто я... А когда-то я писал картины... Потом их сжёт – безо всякой жалости, без позы. Потому что понял, что не художник, а в лучшем случае – ремесленник, маляр...

Она. Все настоящие художники владеют своим ремеслом...

Он. Нет, ты не знаешь. Настоящее – нечто большее, чем ремесло и профессионализм. Настоящее творят те, кто сошел с ума обычного и взошел на безграничный ум. Такое редко случается. А все остальное – поделки, безделушки, даже если это египетские пирамиды. (*Быстро подходит к креслу, садится и закрывает глаза.*) Я так устал, ты просто не представляешь, как я устал от себя и от этой жизни... Ты говоришь, что я тебя люблю... А почему бы и нет, если мне все равно... Почему бы мне тебя не любить – ты не хуже и не страшнее деревьев, цветов, медведей, стрекоз, озёр... Конечно, я тебя люблю.

Она. Какой ты изворотливый, давай я тебя накормлю.

Он молчит, она выходит

Он (один). Все это слишком вкусно, чтобы съесть. Но, черт возьми, либо она действительно умна, либо здесь всё то же природное женское колдовство. «Ты меня любишь»... То, что это страсть, – понятно. Даже не страсть, а нечто роковое, предначертанное. Но и она свихнулась на мне, завела таблицу, заманила меня... Неужели это все она сделала?

Подходит к таблице, изучает ее. Входит она. Явление третье

Она. Интересно? (*Ставит поднос.*) Там у меня семьсот тридцать экземпляров. В два раза больше, чем было у тебя. Это за полгода. В среднем – по четыре экземпляра в день. Вот такой улов. Можешь меня поздравить – я теперь крупный специалист по сексу и знаток всяческих мужских особенностей.

Он. Зачем тебе это?

Она. И это спрашиваешь ты? Можешь считать, что я твоя ученица.

Он. Я никогда не учил заниматься проституцией, а ты с них деньги брала.

Она. Для тебя это было хобби, спортивный азарт, а для меня – научное исследование, эмпирический материал для теории, а всем ученым должны платить, чтобы они питали свое брэнное тело, которое носит их ученую голову, логично? Так что давай, присаживайся, я с тобой рассчитаюсь за твой ужин (*наливает*). Выпьем за мой научный подвиг, за окончание моего тяжелого труда!

Он. Почему ты такая ядовитая? (*Выпивает.*) У тебя что, была какая-нибудь сексуальная травма?

Она. А у кого их не было?

Звонит телефон.

Она. Вся жизнь состоит из периодического получения трав и оплеух. (*Берет трубку.*) Алло! Да, давали, но уже не нужно. Да, нашелся прекрасный человек. Спасибо вам... Ничего, вам еще тоже повезет... Вам того же. (*Кладет трубку.*) В день – один-два звонка обязательно.

Он. Это по объявлению?

Она. Да. Кто хочет стать другом, кто любовником, кто просто прикалывается, часто женщины звонят.

Он. Ты и с женщинами?

Она. Что, сплю? Нет. А что, ты советуешь?

Он. А если посоветую, ты станешь спать?

Она. А как же! Я полностью доверяю твоему опыту.

Он (*фыркает*). Но я не голубой.

Она. Как скажешь.

Он. Почему ты так на меня смотришь?

Она. Больше года не виделись. Соскучилась. А ты разве нет?

Он (*смутившись*). Давай выпьем.

Она. Давай, только я за себя не ручаюсь.

Он. Почему?

Она. Я столько о тебе думала.

Он. Я тоже...

Она. Я знаю. Ты по мне с ума сходил.

Он. Откуда тебе это известно?

Она. Потому что я по тебе ходила с ума.

Он. Серьезно?

Она. Как я только выдержала!

Он. Ну, наверное твои экземпляры помогали тебе выдержать.

Она. Они – исследование, познание, работа, а ты – любовь.

Он. Ой-ей-ей! Значит, ты очень свободная эмансипированная женщина?

Она. А что ты знаешь о женщинах?

Он. Ну они очень разные, как сорта яблок. Одни кислые, другие пресные, третьи сладкие, кисло-сладкие, терпкие, мягкие, твердые...

Она. У тебя гастрономический подход. Ну, а смысл женского назначения? Глобальный духовный смысл?

Он. Ты спрашиваешь так, как будто сама знаешь ответ.

Она. Знаю, но мне хочется, чтобы ты высказался, мне хочется слушать тебя. Я тебя полюбила сразу, после одного вечера с тобой – это чудо! Я думала – почему? Физическое родство? Наверное. Но главное – за определенного свойства одержимость. Ты маньяк и я маньячка, оба мы маньяки... Ой, я кажется совсем опьянела!

Он (*взволнованно*). Я очень благодарен тебе. Представляешь, после той встречи я вновь стал рисовать. Может быть, это и есть глобальный смысл женского назначения?

Она. Быть катализатором мужского творчества, и всё?

Он. Может быть, это соавторство?

Она. Ты изворотливый, тебя не ухватить. Я еще хочу выпить! (*Пьет.*) Вот ты подумай, чем проявили себя в истории женщины? Их творчество болезненное, в одном и том же русле – «где, мой принц?» или раздражительное. Царственные женщины правили, окружая себя бездарными фаворитами. Но зато именно женщины умели бескорыстно и без зависти ценить и восхвалять мужской талант. Активизировать и продвигать талантливых мужчин, жертвуя им себя – и всё?

Он. По-моему, этого очень даже много для смысла жизни.

Она. Это мужской эгоизм. А почему не наоборот?

Он. Глупая! Я об этом много думал. Женская жертвенность очень редка, чаще мужчины жертвовали всем ради женщин, мне кажется, что именно женский эгоизм с желанием блистать и получать удовольствие от жизни не давал развиваться многим талантам, делая их тупыми добытчиками средств для безбедного существования.

Она. Что я слышу? Ты – и против удовольствий?

Он. Против культа физиологических...

Она. Я умру со смеху! Перетрахал кучу женщин, любит вкусно поесть, сладко поспать, пахнет французским одеколоном, ценит комфорт и удобства и – против удовольствий! Или ты, будучи в постелях с женщинами, испытывал отвращение?

Он. Да ничего я не испытывал. Ну серьезно, это как сон, ты в другом измерении, ты – это совсем не ты...

Она. А бабушка твоя.

Он. А твоё физиологическое существо, твои фатальные кандалы, пусть приятные, но оковы. Отчего в народе так много и существует скабрёжности и матерщины по отношению к сексу. Народ подсознательно понимает, что телесные удовольствия – это особый вид рабства, унижающий и ограничивающий свободу духа.

Она. Оказывается я полюбила еще и философа.

Он. Нет, это ты возбудила во мне философа, иначе я бы и не пытался формулировать очевидное.

Она. Я тебе не противна?

Он. С чего это?

Она. Ты меня так любишь, а я спала с кем попало, и вот еще вчера спала. Рассказать?

Он. Зачем?

Она. А-а-а, испугался?

Он. Послушай, нам нужно как-то определиться в наших отношениях, упорядочить этот хаос...

Она. Ты хочешь сделать мне предложение? Сделать меня своей женой и определить мои права и обязанности. А ты – глава семейства, законодатель, вожак – будешь управлять своей маленькой стаей. Всё это мы проходили.

Он. Ты была замужем?

Она. Где я только не была, любимый, стоит ли тебе знать об этом?

Он. Мы с тобой встретились во второй раз, а у меня чувство, будто...

Она. Будто знаем друг друга вечность. Это мы тоже проходили. Я хочу танцевать. *(Включает музыку, тянет его за руки. Танцуют.)* Мы слишком много говорим! И мы друг друга умственно возбуждаем! Поэтому нам невозможно определиться в отношениях!

Он. Почему ты кричишь?

Она. Из-за музыки! И вообще – я пьяна! И я хочу быть ненормальной!

Он. Подожди, я хочу тебе сказать. *(Пытается ее поцеловать.)*

Она *(отталкивая его)*. А вот это не нужно! Нельзя! Опасно! Гибельно!

Он *(уходя на место)*. Ты просто экзальтированная сумасбродка! Тебе бы полечиться!

Она. Только вместе с тобой! Я, может быть, о тебе с детства мечтала, и нашла! Но это не значит, что я тебе отдамся тут же, я не такая доступная как ты!

Он. Чья бы корова мычала...

Она. Это ты готов обслужить любую незнакомую женщину, помани она тебя пальцем.

Он. А ты разве...

Она. А я у тебя научилась, ты же хозяин и законодатель мод. Хочешь стриптиз посмотреть? *(Танцует характерным образом.)*

Он. У меня просто другое устройство, мужское.

Она. Знаю я твое устройство – примитивно до ужаса – дятел делает дупло, были бы деревья.

Слышится грохот.

(Включает магнитофон.) Ревнивец эдакий! Я сейчас. *(Выходит.)*

Он. Может быть помочь?

Она. Я сейчас!

Он *(один)*. Кто это у нее? Чепуха какая-то. В голове просто каша. Нет, всё это игра в чувства, какая там любовь! Не любит она меня.

Явление четвёртое Входит она

Она (*расстроено*). Вазу разбил.

Он. А кто там у тебя?

Она. Да один хороший знакомый.

Он. А что он на кухне прячется?

Она. Стесняется.

Он. Ну давай я его позову.

Она. Попробуй.

ОН ВЫХОДИТ

Она (*одна*). Не нужно больше пить. В голове такая каша. Не любит он меня. Ничего не получится.

Появляется он.

Он. Там никого нет, только разбитая ваза.

Она. Конечно, он спрятался.

Он. Домовой?

Она. Я не знаю, как его назвать.

Он. Ты его видела?

Она. Конечно, только что.

Он. И как он выглядит?

Она. А как хочет, так и выглядит. Иногда даже женщиной. Лёсиком себя называет.

Он. Умеет говорить?

Она. Не голосом.

Он. Буйное создание?

Она. От меня зависит, от того – какая я...

Он. Понятно.

Она. Что тебе понятно? Ну что тебе – понятно?! Что по мне психушка плачет?

Он. Почему, я тебе верю, чего ты так злишься?

Она. Вазу жалко. И знаешь что, вечер подошел к концу, пора расставаться.

Он. Подожди, мы же еще... не... определились.

Она. Лёсик недоволен, говорит, что будет делать пакости, пока ты не уйдешь.

Он. Ревнует?

Она. Это серьезно, чего ты улыбаешься?

Он. Да я не улыбаюсь.

Она. Он тоже считает, что ты еще неопределившийся и что я для тебя еще опасна.

Он. Еще опасна? Перестань, ты для меня наоборот... Ты меня...

Она. Спасает? Не говори чепухи.

Он. Я не могу уйти вот так... когда мы только узнали друг друга. (*Он берет ее руки в свои, она не сопротивляется*).

Она. Не нужно, мы не одни.

Он обнимает ее, вновь слышится грохот. Он соскакивает.

Она. Вот видишь! (*Выходит и быстро возвращается*.) Стол с посудой опрокинул.

Он. Да что это такое! Чего ему нужно? Сейчас я с ним поговорю! Эй, где ты там, зверюга пакостная! (*Выбегает*.)

Слышны грохот, звон и крик

Она. Ну вот, я так и знала.

Появляется Он – ошеломленный, в мокрой одежде.

Он. Что это такое?.. Что это за смеху... за шутки, я тебя спрашиваю!?

Она (*хохоча*). Он вылил на тебя суп? Всю кастрюлю?

Он. Кто вылил?.. Кто это был, я тебя спрашиваю!

Она. Ну – Оно! Оно тебя не приняло, я так и знала.

Он. Слушай, а пошла-ка ты знаешь куда!..

Она. Знаю, знаю, я там уже не раз была, и без тебя, любимый.

Он (*яростно пиная стул*). Истеричка! Жаба ты сумасшедшая!

Выбегает из комнаты

Она. Куда же ты? Скоро двенадцать! Ты замерзнешь! Не уходи!

Хлопает дверь.

Она. Ушел. Ну зачем, зачем ты его облил супом? Это же Новый год, он же еще ничего не понял! Слышишь меня?

За окном раздаются хлопки, видны вспышки салюта.

Она. Двенадцать. Странно, а я думала, он тебе понравится, слышишь ты, Одиночество моё, непутевое?

В бокалы льется вино, свет свечей становится ярче, она берет бокал, чокается.

Она. Ну, с Новым годом что ли? С Новым счастьем? И давай, что ли, расцелуемся!

Свет в комнате гаснет. За окном усиливаются вопли, крики, хлопки и вспышки.
Звук поцелуя...

3 акт

В квартире стоит мольберт. В одном углу навалены холсты, подрамники, рулоны ватмана, в другом углу раскладушка. Повсюду кисти и тюбики краски, по стенам висят картины. Появляется неведомое Оно. Слышится его хмыкание, почмокивание, побряхтывание, посапывание. Оно берет одну из картин, потом другую – фырчит то недовольно, то ободряюще. Останавливается у мольберта, на котором водружена незаконченная картина. Поднимается кисть, и ею делается несколько решительных мазков. Удовлетворенное хмыкание и чмоkanie. Слышатся звуки открываемой двери. Оно бросает кисть и исчезает.

Входит Он. Его одеяние заметно подзапущено. Он бросает на стол пакеты и сразу же подходит к мольберту.

Явление первое

Он (вглядываясь в полотно и бормоча). Свободу им подавай. Что они будут делать с этой свободой? За решеткой плохо, а на свободе что ли лучше? Больше удовольствий? Ничего подобного – в тюрьме куча своих громадных удовольствий и наслаждений (*берет кисть*) ... Заполучили свободу, а делать никто ничего не может, не хочет и не знает – как и зачем. И так было и будет всегда, потому что по большому счету – жизнь есть гнёт, а не мёд. Жизнь пытается выдавить из нас капельку смысла, зерно истинного жёла... (*Замечает что-то на полотне, кричит*) Черт, Черт! Опять это бесовство! Не делал я этого, не мог! Что это?.. Как это?.. (*Всматривается в полотно, трогает его пальцами*) Какая находка! А линия! Цвет!.. (*Начинает быстро-быстро наносить мазки.*) Именно этого мне и не доставало, именно это я видел сегодня ночью (*увлеченно рисует*)...

Стучат в дверь.

Он (*кричит*). Пошли все к черту! Я расплатился, я никому ничего не должен! Я занят! Я никого не желаю видеть! Меня нет дома!

Удары усиливаются. Он чертыхаясь идет открывать.

Он. Черт! Ну что еще! Газ отключили, телефон отключили, за телефон я заплатил. Какого дьявола!.. Ты?!

Явление второе

В комнате появляется великолепная Она. На ней все новенькое, дорогое, и выглядит Она представительно и важно.

Он (*обалдело*). Ты!.. Это – ты?!

Она (*осматриваясь*). Ну конечно я, дорогой, это я, милый. Ты один?

Он. Столько времени прошло, я уже...

Она. И ждать перестал?

Он. Что ты, что ты... Я пытался тебя разыскать. Ты же исчезла и не звонила. Я у той квартиры ночами ходил, пока там новые жильцы не поселились. Я же не знал, что ты снимала квартиру.

Она. Ночами? Бедненький. Рад меня видеть?

Он. Страшно!

Она (*прохаживаясь от картины к картине*). Так, так... Мрачновато. А вот эта – ничего. Где же твоя мебель? Продал, понятно. Так, значит ты вот как теперь живешь. Значит Оно у тебя? (*Останавливается и внимательно на него смотрит.*) У тебя?

Он (*избегая взгляда*). Кто?.. Что?

Она. Понятно. Ну и как – уживаетесь?

Он. Прекрати! (*умоляюще*) Не начинай снова, я прошу тебя!

Она. Почему же? Я тебе его подарила, могу я узнать, как Оно поживает?

Он. Что? Кто?! (*Швыряет кисть в угол.*) Не начинай, я прошу тебя! Я же тебя так долго ждал, я не хочу говорить о нем!

Она. Так все-таки Оно с тобой! Замечательно!

Он (*умоляюще*). Об этом нельзя походя. (*Шепотом*) Здесь не стоит говорить, лучше в другом месте...

Она (*громко смеется*). Поверил, поверил! (*кружась*) Я так рада за тебя, так рада, милый! Я так по тебе скучала!

Он (*обиженно*). По тебе видно, как ты скучала.

Она. Да это всего лишь доспехи. Сердце принадлежит тебе, любимый!

Он. Прекрати этот тон!

Она. Ну что ты такой ершистый? Ты просто отвык от меня.

Он. Я и не привыкал... но все равно, я очень рад. Наверное, только ты способна понять меня.

Она. Ты делаешь успехи (*обнимает его*).

Он. Мне хочется уткнуться тебе в грудь и плакать.

Она. Уткнись и поплачь, мой хороший.

Он. Ага, а потом ты расхохочешься, вытрешь об меня ноги и уйдешь...

Она. И уйду к своему архитектору, я сейчас с ним живу, он богатый и преуспевающий, высокий, широкоплечий, красивый и атлетически славно сложен. В теннис играет – загляденье, бабы проходу не дают! А уж как траха...

Он. Вы женаты?

Она. Зачем? Кстати, где твой телефон, мне нужно ему позвонить.

Он. Отключен временно.

Она. У тебя что, туго с финансами?

Он. Туго.

Она. Да не дуйся ты за архитектора, я же с тобой рядом.

Он. Я не дуюсь, я тобой люблюсь. Seriously. Я скучал по тебе.

Она. Я знаю.

Он (*и яростно, и отчаянно*). Ни черта ты не знаешь! Я все время мысленно говорил с тобой, спорил, советовался... Я всё забросил, от меня все отвернулись, я замуровал себя в этих стенах! Я многое понял, я... я так люблю тебя (*отворачивается, утирая слезы*)!

Она. Это нервное, это временно, это пройдет. Я знала одного алкоголика, так он жил так, будто наступил Конец Света, как будто будущего совсем не существует, а есть один бесконечно длящийся момент – Конец Света. Это даже похлеще ада! Весь больной, ходил как привидение, но зато какой умный!

Он. И что с ним стало?

Она. Не знаю, я только освободила его от алкогольной зависимости.

Он. Каким образом?

Она. Долго рассказывать. Но я его не любила, я никого не любила так, как тебя.

Он. Перестань, ты вновь явилась почти через год, живешь с каким-то высокотрахательным архитектором и признаешься мне в африканской любви – это смешно!

Она. Но это правда (*смеется*)!

Он резко бросается к ней и хватает ее за горло. Она сначала сопротивляется, потом затихает. Он разжимает пальцы, бросается вон из комнаты.

Она (*смотрясь в зеркальце*). Синяки останутся. Ох уж мне эти шаловливые мужские ручонки, как тиски. (*Смотрит на мольберт.*) А эта, картина великолепна, как будто кто-то внутри нее живет (*рассматривает содержимое пакетов*). Краски, чай, макароны, яйца, хлеб, сигареты. Что еще нужно художнику? Ах да, утоление похоти (*громко*). Как ты справляешься с этим?

Явление третье

Он (*появляясь*). Сначала, было туго. Ты мне днями и ночами покоя не давала. Только ты! Как наваждение, как колдовство! Ты меня изнуряла!

Она. Онанизмом занимался?

Он. Занимался.

Она. Бедненький, какое унижение ты испытывал!

Он. Да нет, не в этом дело. (*Возбужденно.*) У меня озарение случилось! Была ночь, темно, вокруг стены, пол, потолок, окна зашторены, никого нет, и тут, как вспышка, чувствую и вижу, что нет никаких стен, нет крыши, пола, нет самой Земли, нет такой пещеры, такого убежища, где можно было бы спрятаться. Словно все пронизывается чьим-то **взглядом!** Сквозь бетон, сквозь сталь, сквозь свинец, сквозь толщи земли свободно проходит этот **взгляд**, мгновенно все взвешивая и оценивая... А я?.. Я словно завис в пространстве, в бесконечной пустоте – маленький кусочек плоти – со своим членом, зажатый в кулаке... Спрятался называется.

Она. Замечательно... и страшно.

Он. Да нет, хотя... страшновато поначалу.

Она. Это Оно к тебе приходило тогда.

Он. Кто?

Она. Одиночество мое.

Он. Подожди. Самое главное – я понял, что **взгляд** тот и его пронизывающие лучи – это и есть я, понимаешь? Если нет никаких преград, если ничего, кроме меня, не существует, то я и есть то бесконечное пространство, **просвечивающее** само себя...

Она. С членом в кулачке?

Он. Ну да. Но потом-то не только в этом положении, но и в работе, в мыслях, поступках...

Она. И когда ты меня душил...

Он. Извини. Вот я встаю перед тобой на колени (*встает*). Я же не смог тебя задушить.

Она. А я так надеялась!

Он (*уткнувшись лицом в ее колени*). Почему ты такая?

Она. Потому что полюбила тебя, но встретила не во время.

Он. Не во время любовь не бывает.

Она. Еще как бывает.

Он. Я хотел спросить... ты только не обижайся... Мне кажется... может быть, у тебя была какая-то травма, ну, психическая, сексуальная?

Она. Ты уже спрашивал. Конечно была, у всех они есть.

Он. Может быть, тебе стоит мне рассказать?

Она (*смеясь*). Психоанализ здесь не поможет.

Он. Ты мстишь мужчинам?

Она. Не знаю... вряд ли. И не борюсь, не соревнуюсь с ними, я не эмансипо... Я просто тебя полюбила.

Он. Ты все время говоришь: *люблю тебя*, но я как-то... не чувствую этого, ты произносишь это так обыденно.

Она. Мы же с тобой не малолетки. Понимаешь, в тебе есть нечто такое, чего нет у других, чего нет и у меня, но ты это не использовал, занимался не своим делом, поэтому я тебе и подарила его.

Он. Да кого же? Хорошо, я согласен, у тебя на той квартире происходили странные вещи, может полтергейст какой-нибудь и проживал, но у меня-то – ничего подобного. Я и не верю в это, я его не вижу, не чувствую, не ощущаю...

Она. Ой ли? А я чувствую, видимо, я рано к тебе пришла...

Он. Ты снова уйдешь на год? Я тебя не отпущу, я прикую тебя к батарее.
Она. Милый, ты не сможешь содержать нас троих.

Пауза.

Он (*встает и расшвыривает картины, стулья*). Ну где здесь третий? Нет здесь никого, понимаешь, нет! И не нужно мне навязывать эту раздвоенность!

Она. Это ты мне ее навязал. До тебя я была очень даже однолинейная. А от тебя *зачала и понесла*, это ты хоть понимаешь?

Он. Ну допустим, понимаю, а что дальше? Как нам быть? Чего ты хочешь?

Она. Вот видишь, нам нельзя подолгу вместе, мы заводим друг друга. А тебе нужен покой, тебе нужно собраться с мыслями, тебе нужно много думать.

Она встает. Он преграждает ей дорогу.

Он. Я тебя не выпущу!

Она. Ты успокойся. Вот мой архитектор закончит свой проект и я приду. Это будет очень красивое здание, таких еще не бывало. И мне будет приятно сознавать, что в этом великолепном здании есть и моя частичка, ты понимаешь?

Он. Ты плачешь?

Она. Да, любимый. Я жалею себя, я жалею, что не могу видеть тебя ежечасно, что я не могу ухаживать за тобой, говорить с тобой каждый день, видеть как ты думаешь и что делаешь. Я жалею себя, потому что никогда не смогу родить тебе ребенка, и все, что я могу тебе подарить – это мечту моего одиночества, которым ты меня заразил... Прости, я не хочу, чтобы ты видел меня зареванной. Мне пора, а не то мой архитектор с ума сойдет.

Обходит его, оцепеневшего. Хлопает дверь.

Явление четвертое

Он *(один)*. Дура! Сука! Психопатка! Извращенка! Тварь! Не хочу ничего больше! Не хочу! Нету жизни! Нету! Деревья есть, города, машины, люди, звери, а жизни нету. Где она, жизнь, где ты? *(мечется по комнате)* Что это? *(берет с тумбочки деньги)* Деньги? Оставила милостыню. Деньги архитектора или из своих блядских запасов! *(швыряет деньги)* Нет, с этим нужно кончать, нужно выбросить ее из башки, нужно быть холодным, как лед. Она просто больная, ненормальная, у нее клиника, у нее шизофрения перманентная *(валится на раскладушку)* ... Повеситься что ли?

Появляется Оно в ее облике и начинает приводить в порядок комнату, складывает картины, собирает деньги.

Он. Колдовство какое-то, она лезет во все мои мысли, она не дает ни на чем сосредоточиться, она поедает меня изнутри... она вызывает у меня желание... она похоть... она жаждет оплодотворения... она истекает влагой.

Оно, в ее облике, начинает танцевать и изламываться в сладострастных ритмах.

Он. Она просто похоть... одна похоть... Это омерзительно... и сладостно...

Дыхание, стоны и яростный крик. Ее облик исчезает, а неведомое Оно опускается рядом с ним.

Он *(ровно и спокойно)*. Ну вот, ты вновь со мной. Знаешь, в первые мгновения после оргазма мой мозг обретает озарение. Эта каждодневная сексуальная зависимость исчезает, и я на мгновение становлюсь абсолютно свободным, я становлюсь как ты... Вот и сейчас я ясно понял, что помимо человека на земле живет Нечто невидимое, огромное... И для этого Нечто мы такие же, как насекомые для нас. Насекомые нас не видят, мы для них огромны, они лишь ощущают нас. А когда мы их топчем и давим, мы являемся для них роком, судьбой, орудием смерти... Вот и нас давит и топчет то, чего мы не видим, а что мы иногда инстинктивно ощущаем. Катастрофы, болезни, ужасы несчастные случаи и сама смерть – это деятельность Нечто, это следствия жизни Нечто. Но что делать насекомому? Что может человек? Я знаю. Ему нужно остановиться, замереть, не двигаться, ему нужно прекратить есть, чтобы стать Нечто... *(и словно просыпаясь)* Ты здесь?.. Кто здесь? *(кричит)* Кто здесь?!

Оно исчезает.

4 акт

Обстановка его квартиры существенно изменилась. Посреди комнаты стоит прокопченная ёмкость – железный бак. Он сидит перед ним, рвет бумагу с рисунками, режет полотна, бросает в емкость. Делает он все медленно и с трудом. Бледен и истощен.

Явление первое

Входит Она.

Она. Двери открыты. Горелым пахнет... Тут что, горело что-то? Пожар? Что случилось?.. Господи, на кого ты похож! Что происходит?

Он *(медленно)*. А, это ты... Я думал опять милиция или пожарные... Подожди, я уже заканчиваю.

Она. Прекрати, что ты делаешь, ты сошел с ума! *(Пытается вырвать у него лист)*

Он. Не лезь! Это не твое! Это мое! *(Валится со стула и не может встать.)*

Она. Да что с тобой? Ты болен? *(Помогает ему сесть.)*

Он. Я здоров. Просто у меня упадок, сил. Это временно.

Она. Да ты весь в поту! Ты простудился?

Он. Я рад, что ты пришла. Успела... Я знал, что ты успеешь... Дай попить, там, в бачке. *(Пьет.)* Спасибо.

Она. У тебя был врач?

Он. Перестань, ты же все прекрасно понимаешь. Люди любят притворяться, изображать непонимание, когда все прекрасно понимают с самого начала, с самого детства, с юности...

Она. Ну что ты несешь? У тебя горячка. Зачем ты сжег картины?

Он. Я сжег мусор. Seriously. Я хотел с тобой поговорить. Это хорошо, что ты здесь. Я понял. Я проник. Я сделал одну картину, одну единственную, значимую... После нее уже все неважно, понимаешь?

Она. Понимаю. И где она?

Он *(смеется)*. Ее забрало Оно.

Она *(растерянно)*. Как забрало?

Он. Очень просто – съело, как жертвенного тельца. Или как лепешку – огромную разноцветную лепешку. Ему очень понравилось, вкусно... А все остальное – несъедобное, просто мазня, школярство.

Она. Ты говорил с ним?

Он. Говорил. Но мне многое мешало. Все эти страсти – секс, тщеславие, еда и ты, мысли о тебе. Теперь всё иначе.

Она. Так ты отказался от пищи? Ты голодаешь? Сколько уже дней?

Он. Не помню, забыл. Это целая философия, это мое открытие. Все мы сажены, но не все прорастаем. Наша, плоть – это почва, а души – росток. Но не всякая душа достигает зрелости плодоношения...

Она смотрит на него и плачет.

Он. Люди продолжают кормить свою плоть и тогда, когда уже нужно отказаться от еды, от земных страстей, когда отцвели и созрели, когда проходит время общения с ним, с Творчеством... Ты плачешь? Ты стала плаксой.

Она. Ну как же мне не плакать? Ты стал таким мудрым, но ты плохо выглядишь.

Он. У тебя очень тонкое чувство юмора. Но ведь это ты бралась меня излечить, это ты ждала от меня Поступка. Правда, я наоборот пришел к полному бездействию, потому что действие порождает только мусор, уводит процесс в бессмысленную бесконечность. Я бы мог наплодить сотни, тысячи забавных картин, но в каждой бы повторялся об одном и том же. Мои картины появлялись бы на выставках, все ходили бы, цокали языками, восхищались или возбуждались, а я один бы знал, что это обман и мусор. Потому что я бы эксплуатировал одну

и ту же идею, один и тот же стиль. Потому что я пророс до именно этой высоты и имение в этой форме, а не в другой... Теперь ты понимаешь, почему Оно съело мою единственную картину?

Она. Ты лжешь, Оно не могло этого сделать.

Он. Оно чмокало и чавкало, у него текли слюни от жадности и голода. Я никогда не забуду такого аппетита!

Она. И поэтому ты не принимаешь пищу?

Он. Да нет! (*возбужденно*). Ты должна понять. Мы стареем и утрачиваем полноту зрелости... Черт, ну как это высказать! Люди – энергетические емкости. В какой-то момент они достигают энергетического пика. Но в этот момент их продолжают отвлекать инстинкты. Похоть, обжорство, праздность, лень, зависть, тщеславие, жадность – эти пороки выкачивают энергию. Но самое первостепенное – это еда и секс. Если в момент энергетической зрелости отказаться от пищи, то твоя духовная энергия выходит на связь с энергией космоса. Тогда можно вести **ЧИСТЫЙ ДИАЛОГ** и можно вырваться из тисков этой жизни...

Она. Умереть что ли?

Он (*кричит*). Долго ты будешь ёрничать и перебивать меня! Хотя... зачем я тебе это рассказываю. Ты приперлась, как всегда, слишком поздно.

Она. Не обижайся. Ты уже говорил с ним?

Он. С кем?

Она. С Богом.

Он. Фу ты... Не Бог это.

Она. Сатана?

Он. Ты слишком прямо трактуешь.

Она. Говорил?

Он. Тут всё... не так...

Она. Говорил?

Он (*отвернувшись*). Говорил... только не словами. Уходи, а? Ты такая же, как все.

Она. И что он тебе сказал?

Он ложится и отворачивается.

Она. А мне он сказал, что мы были рождены друг для друга, что до нашей встречи мы и не жили, а просто блуждали в потемках, что мы встретились, когда поизносились чувства, притупились ощущения, когда цинизм и расчет прогрыз дыры в наших душах... Что ты это когда-нибудь поймешь и что еще не вечер.

Он (*не поворачиваясь*). Как твой архитектор поживает? Создал монументальное строение?

Она. Он отравился. Неделя, как похоронили.

Он. Чего так? Это ты ему, что ли, мышьячка подсыпала? Ты умеешь ухаживать за убогими.

Она. Он не потянул, да и время не для него... Ладно, отдохни, я очень скоро вернусь. Теперь ты действительно нуждаешься в уходе.

Целует его и уходит.

Явление второе

Он (*один*). Конечно, архитектор не потянул, он же не мул и не мулла. А я тяну и тяну. Я сознательно хочу сойти с ума. «Чем нищий посох и сума...» Со-зна-тель-но. Сойти с ума человеческого и встать на нечеловеческий ум.

Появляется Оно и принимает ее образ.

Он (*поворачиваясь*). Я думал, ты ушла.

Оно (*ее голосом*). Ты все делаешь правильно. Ты должен идти до конца. Подумай сам, ну стали бы мы жить вместе, моя любовь отвлекала бы тебя от творчества, забирала бы твою драгоценную энергию. Женщины сумасбродны, они стремятся к банальностям. Ты бы пытался меня переиначить, ты бы бил меня – за прошлое, за, глупость, за мужиков, за то, что я не росла рядом с тобой, за то, что я не была твоей первой женщиной, а ты моим первым мужчиной, за то, что у тебя никогда не было невинной девушки, за то, что все светлые мысли и чувства так поруганы и извращены – ты бы мучился всеми этими преувеличенными глупостями...

Он (*испуганно*). Откуда, откуда ты это знаешь? Ты говоришь то, о чем я не хочу и думать!

Она. Я чувствую тебя, потому что люблю. Я ощущаю твои ритмы, я дышу с тобой такт в такт, мы с тобой одно целое. Но именно поэтому мы не должны быть вместе – это ловушка. Люди бы назвали наш случай счастьем – но это просто сладкое животное состояние – безмятежность, покой и сон. Ты другой. Ты больше людей. Тебе нужно бунтовать, страдать, сходить с ума! Только тогда ты сможешь состояться и покинуть человеческую плоть. Ты должен убить меня!

Он. Что ты говоришь? Убить? Буквально?

Оно. Только так ты сможешь обрести свою свободу. Я – это твое последнее искушение, последняя нить, удерживающая тебя в этой жизни. Но есть другая жизнь – свободная и наполненная смыслом, а не этим бредом и хаосом. Убей меня!

Он. Я не убийца, я никого никогда...

Оно. Ты состоишься, убив меня. Это не сложно. Это лучше сделать ножом. У тебя же есть на кухне прочный нож с костяной рукояткой. Возьми его, войдет очень легко, как в пустоту, ведь плоть – это и есть пустота, фикция.

Он. Но я так ждал... Ты такая красивая, родная...

Оно. Вспомни, ты нарисовал картину, ту, съеденную. И что ты понял? Ты понял, что достиг пика, что ты проник в иной мир, в другую реальность. Ты побывал там! И душа твоя теперь там, теперь уже неважно – сколько ты проживешь здесь и сколько раз повторишь то же самое состояние достижения вершины. Всё это будет уже бесплодная имитация. Отныне ты будешь жить одновременно в двух мирах, но знать только об этом – ужасном и бессмысленном. Другая часть твоей души будет томиться желанием воссоединения – будет изнывать и мучиться там, в свободном мире. А здесь ты будешь дряхлеть и терять силы, и неизвестно, что останется от тебя в этой борьбе со страхами перед смертью и ужасами этой жизни. Может случиться, что ты забудешь, что когда-то мог вести диалог с космосом, ты просто не сможешь этого повторить, не вспомнишь, как это делается. Ты утратишь, ты потеряешь все – и меня, и жизнь, и самого себя – ты станешь просто непрерывно жрущей плотью. Ты обязан, ты должен, выбрать и решиться. Ты достоин большего. Убей меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.